

Александр Фельдман

ДЕНЬ СМЕ

Александр Фельдман

День Сме

«Издательские решения»

Фельдман А.

День Сме / А. Фельдман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741607-2

Россия. Май 1916 года. На день рождения помещика Михаила Смернова съезжаются гости. Казалось бы, ничто не может омрачить семейное торжество...

ISBN 978-5-44-741607-2

© Фельдман А.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	9
III	15
IV	20
V	23
VI	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

День Сме

Александр Фельдман

Пошлет Господь на тебя проклятие, смятение и несчастье во всяком деле рук твоих, какое ни станешь ты делать, доколе не будешь истреблен, – и ты скоро погибнешь за злые дела твои, за то, что оставил Меня.

Второзаконие.

Пятая книга Моисеева.

© Александр Фельдман, 2019

ISBN 978-5-4474-1607-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Крепко спит Маланья, свернувшись клубком, тихо и мерно посапывая, обнявши подушку, улыбается сама себе и не чувствует, что кошка Машка трется о ее розовую крохотную пятку и что-то мурлычет на своем не каждому понятном щелкающем диалекте; растрепалась русая девичья коса, раскраснелась нежная кожа; видит Маланья сон: будто бы стоит она на току после молотьбы, а барин, Михаил Александрович, чуть в стороне, глядит на нее добрыми голубыми очами, крутит русые усы и смеется, подмигивая; Маланья смущается, опускает глаза, а он подходит к ней сзади, обнимает за плечи и говорит: «Добрая работница, чья же ты будешь?» «Да, это кузнеца, барин, Евсея Смелякова дочка; огонь-девка – никому себя в обиду не даёт; на нее, где сядешь, там и слезешь!» – ответил обнаружившийся здесь же староста. Маланья повела хрупким плечом, освободилась от барских уз и бросилась прочь; достигнув своего двора, запыхавшаяся и раскрасневшаяся от бега, она на мгновение обернулась и обомлела – на месте барина и старосты на току разыгрывалось настоящее, невиданное прежде светопреставление: красные, фиолетовые, пурпурные, изумрудные, оранжевые, бирюзовые ягоды, листья и цветы пустились в пляс. То из их дружной компании выскочит и бросится в глаза напыщенный сноб алый мак, причудливо выделяющийся гопака; то скромную смородину закружат в хоровод ягоды-подружки, а то и самовлюбленный ландыш вытворит такую фигуру, что ему мог бы позавидовать сам король танцев, проживающий, верно, в столице. Загляделась Маланья на это чудо, забыла про то, что запыхалась, про то, что коса растрепалась от бега, про барина, про старосту, про то, что в дом ей надо – скоро отец придет, а обед еще не готов; стоит Маланья у калитки и взгляда отвести не может – так ее пляска заворожала; тем временем, вихрь танца всё ускорялся и ускорялся, и вот стало не разобрать: где тут малина, а где ежевика, где василек, а где колокольчик – каждый цветок, каждая ягода теперь были уже не сами по себе, но частью единого целого, чего-то большого и сильного, доброго и влекущего; оно улыбалось ей, крутило ус и манило, как бы произнося: «Ну, иди сюда, не бойся, со мной тебе всегда будет хорошо». Маланья смутилась, опустила глаза и тут же подняла – на току стояла безлюдная ночь. Ночь была наполнена мерцающим звездным туманом, окаймлявшим полный багровый месяц; из разных дворов доносилась с первого взгляда нестройная собачья разноголосица, но этот звук живо креп, нарастал, и, уже казалось, что это не собачий вой вовсе, а плач какого-то огромного неведомого безнадежно несчастного существа.

Маланья поспешила к дому; отперев дверь, она обомлела: стол был накрыт барскими яствами, вокруг него сидели сам Михаил Александрович, ее отец, староста и, наконец, Лизка, его дочь. «Неужели, свататься за меня пришел, – удивилась Маланья, – Нет, такого не может быть: у барина, это всем ведомо, есть жена – Татьяна Антоновна – наша барыня». Правда, Смелякова никогда ее не видела, но отец говорил, что она женщина необыкновенно красивая. «Маланья, дочка, – сказал Евсей, – к нам пришел Михаил Александрович, сделай милость, поздоровайся с ним». Барин вышел из-за стола, посмотрел со всей огромной высоты своего роста на маленькую худую Маланью и произнес: «Ну, здравствуй, Маланьюшка». «Дай Вам Бог здоровья», – ответила дочь кузнеца и неуклюже поклонилась Смернову, а после густо покраснела и выбежала из горницы в сени, разбрасывая локти и ноги в разные стороны. А там – и не сени вовсе, а лес волшебный; деревья оживают и сами почтительно уступают Маланье дорогу, она проникает всё глубже в чащу, всё меньше солнечного света отражается в изумрудной листве и бьет в глаза, всё сумрачнее и зябче становится девушке, всё гуще и плотнее растет кругом борщевик; Маланья нахмурилась – деревья заманили ее в самое болото, еще шаг, и она провалится, утонет, и никто не спасет, никого рядом с нею нет, – Что же делать, – терзал ее вопрос, она закрыла огромные карие глаза, глубоко вздохнула и открыла – а тут уже зима; Маланья вышла из леса по пояс в снегу, ни тропинки, ни просеки – всё в сугробах, по всему

видно, лютый снегопад прошел; тем временем, пошел снег, задул ветер, крупные пушистые хлопья слепили глаза, мешали дышать, сильный ветер дул навстречу, тем самым, препятствуя возвращению Маланьи домой; и всё же, преодолевая сопротивление стихии, превратившейся уже в настоящую снежную бурю, дочь кузнеца пересекла покрытое белой периной поле и дошла до железнодорожной насыпи. Тут Маланья увидела бредущих вдоль полотна знакомых девок из деревни: «Эй, Лизка, чего это вы тут делаете?» Лизка и ее спутница оборотились и указали в ту сторону, откуда вела свой путь Маланья. Она обернулась, и тут огромным вихрем с диким грохотом, ослепляя и обдавая кружившимся снегом, мимо нее промчался паровоз, окутав окрестности паром; ни жива ни мертва, Маланья проснулась в холодном поту. «Брысь, Машка», – лягнула Маланья кошку, которая с причитающим урчанием скатилась с лежанки и забилась под лавку; дочь кузнеца приподнялась и взглянула в окно – рассвет даже и не думал еще заниматься. «Должно быть, еще только полночь», – решила девушка, но спать не хотелось, и, накинув отцовский армяк, – в этом месяце ночи еще довольно зябкие, – Маланья вышла во двор.

Мать умерла, когда Маланья была еще ребенком; как-то зимой она сообщая с другими крестьянками отправилась стирать белье и вместе с женой старосты провалилась в прорубь, несмотря на то, что ее вытащили, она долго болела, сильно кашляла, а перед самой Пасхой отошла. Маланья ревмя ревела, когда ее отпевали, когда свезли на кладбище, когда гости собирались на поминки; только на десятый день слезы высохли, и девочка осознала: теперь в доме хозяйка она. Кузнец Евсей, отец Маланьи, слыл человеком нелюдимым, хотя и большим мастером своего дела; после смерти жены он еще больше замкнулся в себе, тихо запил; он не умел обходиться с девочкой, не понимал ее жизни, да и совсем не интересовался ею. Главное, когда кузнец приходил домой, ужин должен был ждать его на столе, а в остальном он был не прихотлив, и не приставал к дочери с нравоучениями. Потихоньку Маланья росла в кругу старших подруг, зрела, ее приучали к работе в поле и на току, а она, в благодарность, всё это делала в охотку. Мало-помалу деревенские парни стали обращать внимание на странную симпатичную девку с русой косой, густыми изогнутыми бровями, выдающимися скулами, смешно оттопыренными ушами, с родинками и ямочками на щеках, тонким прямым носом, немного пухлыми выгнутыми губами, хрупкой шеей и глазами, похожими на два огромных лесных ореха; но сама Маланья ни на кого не заглядывалась своим пронзительным взглядом и держалась от парней на почтительном расстоянии: ее сердце было пленено самим Михаилом Александровичем, барином, который часто появлялся среди своих крестьян, следил за работой и хвалил отличившихся; его образ мыслился Маланьей, как что-то большое, сильное и доброе – именно так она представляла счастье; к своему глубокому сожалению, дочь кузнеца понимала, что не сможет открыться барину и никогда не будет счастлива, но для себя решила: пока она не найдет жениха, похожего на Михаила Александровича – и знатность и богатство тут ни при чем, – не пойдет ни за кого.

Мы покинули Маланью, выходящей во двор; влажный воздух, пропитанный ароматами сирени, успокаивал и убаюкивал ее, как бы приговаривая: «Всё неизменно, всё замечательно, нет в мире места чудеснее нашего». И верно: молодой лунный серп, лениво освещавший сарай, покрытый соломой, кусты сирени вокруг него, изгородь и сизую дымку, поднимавшуюся с постепенно остывающей земли, превратил всё это совместно с прозрачной голубой ночью в некое подобие той волшебной по красоте открытки, которую прислал Лизке ее кавалер, служащий ныне дворником в столице – Лизка утверждала, что эту открытку он купил в лавке на Невском, – только снег на открытке заменяла ночная мгла, а рождественскую елку – кусты сирени; Маланья подошла поближе к изгороди, запрокинула голову и углядела первым делом одну, – вероятно, самую яркую, – звездочку, а потом еще и еще – новые звезды выплывали, прежде притаившись в укромных закутках темного небосвода, теперь же, подобно грибам на поляне, поначалу принимаемых за сухие листья, а после ясно ощущаемых сознанием,

и образовывали причудливые формы: одно созвездие напоминало ковшик с отбитой ручкой, другое представляло в виде перевернутой лодки со сломанными веслами, а третье вовсе чем-то смахивало на силуэт диковинного, но чрезмерно угловатого животного; некоторые звезды мерцали так, что грезилось, будто они скоро погаснут навеки и никогда более не будут давать свой необыкновенный серебряный свет, другие же, наоборот, были до такой степени ярки, что Маланья невольно жмурилась и прикрывала глаза ладонью, внезапно одна звезда, оставляя за собой широкий шлейф света, с какой-то грустной обреченностью уходящей натуры, сорвалась со своего места и канула вниз, никогда более не претендуя на обратное возвращение, так покидают этот мир люди, не нашедшие себе в нем никакого, хотя бы даже самого незначительного, применения; ни с того, ни с сего, из леса, что был неподалеку, ей послышалась кукушка, – надрывая голос, она отсчитывала, сколько кому-то осталось бегать по матушке-земле; с противоположной же стороны, в пику кукушке, залился своей ночной трелью царь птиц – соловей, его проникновенная песня заставила приутихнуть кукушку, которая, видимо, тоже стала наслаждаться чувственным солистом. Заслышав причитания соловья, Маланья ощутила скорое приближение утра, но, несмотря на все убаюкивания и уговоры ночного воздуха, она не отправилась обратно на лежанку – ее внимание внезапно привлекло новое сияние, придававшее голубому цвету двора и серому лесу новые, желтые и алые, тона утра; приняв, это сияние за предвестие восхода солнца, она вышла за калитку, чтобы полюбоваться на предрасветное небо, но не от неба исходил сей блеск. Только сейчас она заметила, что желтые и алые тона, неожиданно возникшие в чужеродной для себя среде, явились порождением пламени, терзавшем барскую усадьбу; тут же с криками о пожаре и помощи Маланья бросилась по дворам, оповещая сонных крестьян, пока, наконец, не проснулся сам староста и не ударил в колокол так, что дремлющих жителей в деревне не осталось, а сам он определенно оглох; крестьяне пытались при помощи ведер с колодезной водой потушить пожар и спасти барина и его семью – что они находятся в самом пекле никто даже не сомневался, – но все усилия оказались тщетными – спустя недолгое время обрушилась крыша и погребла под собой и господ, и тех отчаянных деревенских парней, что бросились в дом, надеясь на собственных плечах вынести хоть кого-то живого из самого сердца пожарища.

II

Светало; еще не окрепший солнечный диск пытался утвердиться на холодном недружелюбном небосклоне; густая ночная пелена, окутавшая землю, постепенно сходила на нет; с легким предутренним ознобом дети природы избавлялись от сна; ручей журчал чуть веселее, чем ночью; весенние цветы поднимали свои бутоны, готовясь принять в них тепло солнечного утра совместно со сладкой росой; уже проснулись ранние пташки, прочищавшие в ручье свои блестящие перышки, – наступал новый день, еще не ведавший, сколько счастья или несчастья, горя или радости, успехов или разочарований он может принести, день – пока еще чистый и непорочный.

Во дворе залаяла собака и разбудила Михаила Александровича Смернова, сладко спавшего на мягкой постели; потянувшись, Михаил Александрович одним движением сел на кровати – несмотря на незаурядность сего дня – 16 мая 1916 года Михаилу Александровичу исполнилось 33 года, он решил не менять привычного хода жизни, и до завтрака намерен был обойти свои угодья, как делал ежеутренне, и выяснить у старосты все чаяния крестьян, накопившиеся за прошедший день; была четверть седьмого, когда Смернов позвонил. «Прикажете умываться?» – с бодрым, как показалось, расположением духа осведомился у него вошедший слуга. «Да уж, пора, Никифор, принеси мне, пожалуйста, и свежее полотенце», – Михаил Александрович гордился тем, что со всеми слугами обращался исключительно вежливо. Умывшись, Михаил Александрович полюбовался в зеркале своим могучим телом, пышными русыми усами, расчесал еще густые светлые волосы и всей двухметровой статью ощутил счастье и прилив сил нового дня; намылил пухлые щеки, среди которых не сразу можно было разглядеть крошечный нос, и подбородок; подмигнул зеркалу серо-голубыми глазами и надел свежую накрахмаленную сорочку, обдавшую тело приятной прохладой.

Михаил Александрович происходил из прославленного дворянского рода Смерновых с одной стороны и знаменитой фамилии князей Поликарповых с другой. Отец его, Александр Феофилакторович Смернов, добился успеха на поприще военного искусства: он сделал карьеру военачальника на русско-турецкой войне – со своим батальоном дошел почти что до самого Константинополя; за это Смернов был принят в Петербурге и отмечен Его Императорским Величеством, награжден святым Георгием второй степени, – ему присвоили чин полковника, потом Высочайшим повелением назначили в Главный штаб. Сам Александр Феофилакторович был третьим сыном в семье, и изначально у него был небогатый выбор: стать либо военным, либо священнослужителем. Несмотря на искреннюю любовь к религии, всё же он выбрал кадетский корпус, где был первым учеником, с особенной легкостью ему давался «Закон божий» – с детства Смернов не расставался с Евангелием, учился по нему читать, знал многие молитвы наизусть. Везде, где он служил по окончании корпуса, ему давали характеристики только в превосходной степени: беспрекословное исполнение приказов, и даже проявление смекалки и находчивости в неоднозначных ситуациях – было обыденностью для молодого блестящего военного, отличавшегося от своих сослуживцев вящим проявлением целомудрия: «Вы слышали, что сказано древним: „не прелюбодействуй“. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем», – эти слова из Священного писания, сильнее всего потрясшие молодого Смернова, цитировал своим сослуживцам Александр Феофилакторович, сам неукоснительно следуя им, находя успокоение лишь в военной доблести и чести.

Когда возраст полковника Смернова склонялся к сорока, его жизнь неожиданно переменилась: провидению было угодно не оставить доблестного христианина томиться в одиночестве до самой старости, и оно ниспослало ему в жены княжну Елизавету Михайловну Поликарпову; всё решила необыкновенная встреча двух прекрасных людей на бал-маскараде.

Александр Феофилактович Смернов, получив в Штабе недельный рождественский отпуск, отправился под Москву погостить в имение своего старшего брата, давно уже зазывавшего его поохотиться; проведая, что Смернов будет проездом в бывшей столице, его пригласил к себе приятель – граф Никита Толстой, троюродный племянник пользующегося популярностью по всей Европе писателя Толстого; Никита Андреевич несколько лет назад тоже участвовал в балканской кампании и очень сдружился со Смерновым, находя его как блестящим военным, так и превосходным собеседником; знакомым, не имевшим чести быть ему представленным, он рекомендовал полковника, как человека, способного посостязаться в уме и красноречии даже с великими – Диогеном и Ритором; к глубочайшему сожалению знатных дам, мечтавших заполучить в свой салон сию неординарную персону и, тем самым, одержать победу над другими не менее великолепными дамами, Смернов редко выходил в свет, предпочитая высшему обществу охоту и прогулки верхом; и всё же, Никите Андреевичу удалось уговорить своего боевого товарища почтить своим присутствием костюмированный бал, который Толстые давали ежегодно накануне рождества.

В тот вечер разыгралась метель, а температура за несколько часов совершила резкий прыжок за двадцатиградусную отметку, и всё же, никто не собирался отменять традиционный маскарад, несмотря на явную угрозу здоровью приглашенных, которые съезжались к особняку Толстых на Пречистенке, уже облаченные в свои нарядные костюмы; если бы не плохая погода, легкие наряды и ранние декабрьские сумерки, то гости, прежде чем войти в дом, смогли бы насладиться всем великолепием постройки: эта была бывшая усадьба Архарова, купленная Никитой Андреевичем лет пять тому назад у предыдущего владельца, дворянина, разоренного многочисленными кутежами и долгами, тем самым вынужденного продать оставленный ему дальним родственником особняк, была построена во второй половине восемнадцатого века и первоначально принадлежала Ивану Петровичу Архарову, брату знаменитого московского обер-полицмейстера и сыщика, чья усадьба располагалась прямо напротив; фамилия Архарова наводила трепет на преступников: он мог с первого взгляда на подозреваемого безошибочно определить, виновен тот или нет; о его способности с поразительной быстротой раскрывать любые преступления знали даже в Петербурге, сама Екатерина обратилась однажды к Архарову за помощью: из домового церкви Зимнего дворца пропала икона Толгской Божией Матери в богатом серебряном окладе с драгоценными камнями; во дворце поднялся переполох – для императрицы икона была настоящей реликвией: она открыла ей путь на русский трон – этим образом Елизавета Петровна благословила юную Екатерину при бракосочетании с наследником престола Петром Третьим; поэтому государыня немедленно вызвала Архарова для расследования – на следующий же день он нашел украденную икону. В другой раз Архаров раскрыл кражу серебра, совершенную в Петербурге, даже не выезжая из Москвы: он вычислил, что серебро спрятано в одном из подвалов около дома самого столичного обер-полицмейстера; слава о московском сыщике дошла и до Европы – начальник парижской полиции был настолько восхищен талантом Архарова, что прислал ему хвалебное письмо. Его брат не был столь знаменит, хотя в молодости он помогал графу Григорию Орлову похитить из Ливорно княжну Тараканову, выдававшую себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны; затем Иван Архаров при Павле был произведен в генералы от инфантерии и назначен военным губернатором Москвы. На воротах усадьбы стояли настороже два великолепных мраморных льва, а сам изумрудно-белоснежный дом, выполненный в стиле классицизма, характеризованный сочетанием гладкой стены с ионическим ордером и сдержанным декором, с бесчисленным количеством огромных окон, над которыми располагались химеры дышал роскошью и богатством своих владельцев.

Под звуки «прекрасного голубого Дуная» в волшебном исполнении венского оперного оркестра гости входили в раскрываемые раздвинутыми лакеями залы и окунались в атмосферу летней Вены, несмотря на наряженные разных форм и размеров рождественские ели,

расположенные в укромных уголках, на лестнице и внизу, в гардеробе, где гости избавлялись от ненужной верхней одежды; казалось, что лютая зима, оставшаяся за окнами, сейчас пребывает далеко от торжества, приглашенные же так и трепетали под теплым дунайским ветерком, замуриваясь, прислушивались к штраусовским волнам, накрывавших присутствовавших приятностью доброты и неги. Вскорости, «голубой Дунай» сменили «южные розы», и теперь уже разноцветные лепестки услаждали слух всё новых и новых участников маскарада; и светлые залы, украшенные массивными зеркалами и гирляндами, заполнило множество Пьеро, Коломбин, Арлекинов, мирно и весело гогочущих промеж собой; сам хозяин – Никита Толстой – облачился в расшитый золотом и серебром камзол флибустьера, с треуголкой, повязкой на глазу и, пыша трубкой, здоровался с приехавшими, сверля их насквозь единственным открытым глазом; его молодая жена, выбрав наряд восточной красавицы, расположилась подле мужа, тем самым, эта пара создавала впечатление пирата и его азиатской пленницы. Смернов решил предстать на маскараде в образе Тартальи, для этого он еще в Петербурге заказал себе черные панталоны, такого же цвета блузу, плащ и берет; всё это сочеталось с черными как смоль, невероятного размера усами, которые Александр Феофилактович специально для праздника завил причудливым образом, кипенным кружевным воротником и белоснежными манжетами, вся композиция венчалась страусиным пером, хотя в этом одеянии его с легкостью можно было бы принять за некоего завоевателя шестнадцатого века, к примеру, Кортеса, и всё же он был, как впрочем, и всегда, совершенно неотразим.

Войдя в залу и жмурясь от яркого света тысяч свечей люстр, еще и отражавшихся в огромных зеркалах, создавая эффект перенасыщенности, Смернов встал в растяннувшуюся по всей парадной лестнице очередь разноцветных костюмов, стремящихся засвидетельствовать свое почтение хозяину и хозяйке дома; подойдя к Толстому, он поклонился, а Никита, не раздумывая, заключил его в свои объятья, представил супруге и повел знакомить с гостями – был здесь и особый умысел, многих знатных персон ему удалось заманить на праздник, исключительно пообещав познакомить с неуловимым для них полковником; среди прочих была в этом заинтересована и чета князей Поликарповых. Их старшая дочь, Елизавета, была обручена с маркизом де Вре, служащим во французском посольстве при дворе Их Императорского Величества, младшую же, Екатерину, родители хотели бы видеть замужем за доблестным военным, поэтому приехали на бал всей семьей в сопровождении будущего родственника – маркиза. Толстой представил знатному семейству Смернова; сам князь возникнул на маскараде в образе незнакомца – в черном сюртуке, шляпе и летучей мышью на лорнете; его жена, княгиня Поликарпова, была облачена в великолепное открытое сиреневое платье с салатowymi отворотами и блестками, в одной руке у нее был веер под цвет наряда, которым она беспрестанно обмахивала раскрасневшееся от духоты еще привлекательное лицо, другой же она подерживала блестящую летучую мышь на лорнете; дочери, подражая матери, также в открытых, но гораздо менее откровенных, обнажающих лишь тонкие плечи, декольтированных однотонных розового цвета туалетах обмахивались веерами и не отводили летучих мышей от глаз; лишь де Вре смотрелся инородным телом в этом обществе лорнетных масок – он предпочел прийти на маскарад в образе Пьеро, видимо, осыпанный целым пудом пудры; Александр Феофилактович поклонился со всей огромной стати своего роста князю, а Поликарпов представил ему свою жену, дочерей, которые не удержались и прыснули, когда полковник поочередно приложился к их ручкам, и маркиза де Вре, попутно сообщив, что это жених его старшей дочери. Толстой оставил Смернова наедине с княжеским семейством и удалился обратно на парадную лестницу для встречи гостей; оркестр заиграл «вино, женщину и песню», чем не преминул воспользоваться Александр Феофилактович, пригласив княгиню на тур вальса; но Поликарпова безотлагательно отказалась танцевать, сославшись на больную спину и вынудив составить компанию полковнику в вальсе свою старшую дочь; лорнетная маска сильно мешала Елизавете, поэтому была беспощадно отброшена, тем более что на смену вальсу пришла быстрая «трик-

трак полька»; Смернов внимательно вглядывался в по-детски непосредственное и трогательное лицо старшей княжны: светлые, хотя немного жидкие волосы окаймляли продолговатое лицо с остро вычерченным подбородком, нижняя губа слегка приоткрытого рта была чуть полнее совсем тонкой верхней, курносый заметно вздернутый нос, тонкие светлые брови, легкий румянец на щеках, необыкновенно длинная и белая шея, раскосые серо-голубые глаза – всё это он, казалось, уже где-то видел, был знаком с этим обликом; возможно, она ему снилась или представлялась в мечтах о совершенной женщине, которая только и могла обрести законное право стать его супругой; сейчас Смернов понял, Елизавета – тот женский идеал, о котором он мечтал всю жизнь, без нее теперь ему уже не представлялось возможным жить и когда-либо обрести счастье; прошло несколько вальсов и полек, а полковник и княжна всё не расставались и танцевали, танцевали, поглощая друг друга взглядом так, что не удержался маркиз: сказавшись нездоровым, он сухо попрощался с князем, приложился к ручкам княгини и младшей княжны и с видом явно оскорбленным покинул бал-маскарад, однако этого не заметили ни Смернов, ни старшая княжна – так они были увлечены захлестнувшим их чувством. Спустя некоторое время, ощутив всю неприличность подобной ситуации, Александр Феофилакторович вернул Елизавету на место и пригласил на еще одну шинель-польку ее младшую сестру; на протяжении танца он старался найти в Екатерине хотя бы одну из тех черт, что так вскружили голову в ее сестре, но не смог – младшая княжна не вызывала в его сердце никаких чувств, а производила впечатление безликого и бесполого существа, даже обладая превосходным чувством воображения, очень трудно было себе представить, что это сложившаяся женщина, что она способна любить, быть матерью; неуловимость, худоба и угловатость черт лица еще более усугубляли мнение полковника об этой юной особе. Для Поликарповых бал был непоправимо испорчен; и дело даже не в маркизе де Вре и не в Смернове, а в пренебрежении и попрании всех традиций и устоев этикета старшей дочерью, тем более, что скандал грозил вылиться за пределы их семьи и нанести урон безупречной репутации князя и княгини. Вместе с тем, маскарад подходил к своему апогею: лакеи в позолоченных ливреях и пышных париках проникли стройною толпой в сердце танцующего зала; в то время как оркестр заиграл Радецкий марш, они стали кружиться и осыпать аплодирующих гостей золотым конфетти и мишурой; после такого красочного события активность оркестра и участников празднества снизилась, и бал, сам собой плывший по течению вечера, оказался недалеко от устья, после которого, не глядя на оставшийся осадок, Поликарповы проявили такт и позволили проводить себя Смернову до особняка; Александр Феофилакторович, занявший в экипаже место улизнувшего маркиза, оказался как раз напротив Елизаветы; но она вела себя с ним намного холодней после недвусмысленных внушений княгини, не отвечая на выразительные взгляды как бы невзначай, которые время от времени бросал полковник и притворяясь совершенно уставшей, мечтавшей исключительно о последнем пристанище дня в объятиях Морфея.

В номерах Смернова ждала бессонная ночь, окутанная сизым дымом и тихим треском поленьев в камине; завернувшись в махровый арабесковый халат, держа в руке бокал Бордо, потягивая сигару, Александр Феофилакторович увлеченно мечтал об иной жизни, нежели военное, полное одиночества существование, которое угнетало его последнее время; он представил, что будет обитать не в столице, а в тихой уединенной усадьбе на речке; жена подарит ему двух наследников – сына и дочь, которых он будет учить ездить верхом, плавать и прививать так необходимую всем дисциплину, а по вечерам читать им перед сном Пушкина; «Как же всё это хорошо! – воскликнул полковник, – Просто страсть как замечательно! Женюсь, ей-богу, женюсь на ней, не будь я – Александр Смернов, кавалер ордена святого Георгия!» Полковник сей же час написал два письма: одно отправил брату с извинениями за невозможность приезда на эти рождественские праздники и выражением надежды, что когда-нибудь, возможно даже совсем вскорости, они всё равно встретятся и обязательно поохотятся, но только не теперь, когда в его жизни должны были произойти судьбоносные изменения; другое же, после неко-

торых раздумий он адресовал старшей княжне Поликарповой, заключив его в форму английского сонета:

Любовной страсти не испытывал я прежде,
Но лишь отечеству служил по мере сил;
И вот увидел Вас тогда, и в миг надеждой
Жизнь озарилась, по-иному свет стал мил.
«Елизавета» – Ваше имя я лелею;
Его читаю на конверте в сотый раз —
Произнести вслух грубым тембром не посмею,
Чтоб не испачкать солдафонством серых глаз.
Сошли Вы словно бы с картины Боттичелли,
Ваш облик нежный мне явился как во сне,
Не в силах скрыть я роковое увлечение —
В любви открыто признаюсь самой Весне!
Пусть я – полковник, а не часовой простой,
Капитулирую пред Вашей красотой.

Только теперь, в этот поздний час, Смернов по-настоящему понял, почему образ Поликарповой с первого взгляда показался ему таким знакомым: ведь она – сама Весна, изображенная Боттичелли; та Весна, которой он восторгался, в которую был влюблен еще в юные годы, будучи в Италии и увидев этот шедевр; воспоминание сие только усилило влечение полковника к Елизавете, открыв еще одну грань всеобщей загадки любви.

Под утро, уморившись, он наконец уснул; и явилась к нему во сне дева с серо-голубыми глазами, чьи золотистые локоны обнимал венок, составленный из полевых цветов; Александр Теофилакович позвал ее: «Лиза!», она обернулась, смеясь, и стала убегать от Смернова вдаль по душистому лугу; он бросился за ней и бежал, бежал, но никак не мог настигнуть, беспрестанно выкрикивая ее имя, приносившее сердцу душевную теплоту...

Поздно пробудившись, полковник получил весточку от старшей княжны Поликарповой: она предлагала встретиться в тот же день в Александровском саду, где всё равно собиралась пройтись после обеда; с твердой мыслью непременно увезти ее, Смернов отправился в Александровский сад; здесь, несмотря на морозную погоду, выглянуло солнце, озолотившее сверкающий снежный покров, так контрастировавший с бирюзовым небосводом, что перевод взгляда невольно резал глаз. Полковник окунул внимательность в глубину сада, разглядывая влюбленные парочки и старых дев со своими воспитанницами, разрезавшими заснеженные дорожки модными сапожками, увлеченно разговаривавшие или читавшие; среди последних он различил и вчерашнюю знакомую. Решительности Александру Теофилаковичу было не занимать – он уверенной походкой подошел к княжне, прогуливавшейся с томиком Шекспира в руках. «Вы любите Шекспира? – спросил Смернов с учтивым поклоном. «Я обожаю его сонеты – в них столько мудрости; кто еще так метко сумел бы выразиться: «И если нет любви, то нет стихов моих!» – она подняла на него свой обворожительный лукавый взгляд, позволявший неоднозначно истолковывать произнесенные ею слова. «Вы абсолютно правы, Шекспир – гений, к которому никто так и не смог приблизиться по мастерству выражения чувств, и вряд ли когда-нибудь родится поэт, лучше него, – Смернов глубоко вздохнул и продолжал, – Елизавета, я не знаю, что Вы думаете обо мне, но прошу, выслушайте до самого конца ту мысль, которую я хочу донести до Вашей души и тронуть Ваше сердце. Елизавета, как только я увидел Вас, то понял Вы – та, которой суждено составить мое счастье, – Смернов, откашлялся, исправляя сбившееся дыхание, – Я понимаю: Вы обручены, но не замужем; Вы можете расторгнуть помолвку, еще не поздно! – княжна смотрела, не отрывая внимательных озорных глаз

от полковника и часто дыша, – Если же Вы хотите, я готов увезти Вас, хоть сегодня, хоть прямо сейчас; мы тайно обвенчаемся в сельской церкви. Боже, как Вы прекрасны! Будьте же моей женой до самой смерти!» Княжна не ожидала такого поворота, но сама, охваченная пылающей страстью любви к мужественному красавцу Смернову, растерялась в мыслях: «Мне начинает казаться, что всё вокруг прыгает и плывет, Господи, у меня сейчас будет обморок, я теряю голову; как поступить в этой ситуации, – но тут она ощутила всю силу чувства к Смернову, поняла, что пути назад нет, и решила поступить по зову сердца, – Знайте, я тоже люблю Вас; в тот самый миг, когда я увидела Вас, сразу поняла, что именно о таком человеке мечтала; но я боюсь, что родители будут возражать: маркиз де Вре очень влиятелен; он посол от Франции, у него широкие связи при дворе... я ничего не знаю о том, что может с нами быть...» «Так едемте сей же час, тайно обвенчаемся в сельской церкви и вечером будете дома, если Вы согласны быть моей супругой...» «Да, да! Я согласна – им всем придется смириться с этим».

Этим же днем Александр Феофилактович и Елизавета Михайловна тайно обвенчались в сельской церкви под Москвой и после этого остались неразлучны до самой смерти.

III

Дом еще охватывала сладкая дрема, когда на крыльцо вышел почти двухметровый красавец и, потягиваясь и щурясь от солнечных лучей, сбегал вниз, прямо по влажной траве направляясь к дому старосты, Игната Михайловича Карпова, родившегося и всю жизнь прожившего в селе Поликарпово, даже поговаривали – вероятно, из-за его фамилии и отчества – будто бы он незаконнорожденный сын князя Поликарпова, но, правда это или домыслы, никто так и не выведal из-за того, что никого в живых в имении не осталось с тех давних пор.

Михаил Александрович и его жена, Татьяна Антоновна, были уже третьим поколением помещиков на долгом веку старосты. Когда старый князь скончался, княгиня направила все свои усилия, чтобы полковник Смернов ушел в отставку и вместе с женой, находившейся в положении, перебрался из Петербурга на берега Оки, в фамильную усадьбу князей Поликарповых; у нее не было ни сил, ни желания в одиночку управлять таким большим хозяйством, тем более, что маркиз де Вре вскоре после гибели императора вынужден был вернуться на родину – его предки были активными участниками Парижской коммуны, а один из них, так называемый Филипп Эгалите, был среди тех, кто голосовал в Конвенте за казнь Людовика, это не могло скраться и вызывало неудовольствие у представителей Русского двора, кои пытались найти заговор против монархии даже там, где его не было. Уехал он в Париж не один, а с молодой женой — Екатериной Поликарповой, свеженареченной маркизой де Вре, тем самым, заставив княгиню нарушить табу, соблюдавшееся при покойном муже, и пойти на контакт с опальным военным и его женой, которую князь уже более не считал своей дочерью и никак не упомянул в завещании, оставив всё жене и младшей княжне. Тем неожиданнее для Александра Феофилактовича было предложение стать помещиком и поселиться вдали от городского шума и суеты; тем более, что это была тайная мечта полковника, поэтому, пока Елизавета Михайловна была еще на четвертом месяце, он отправил ее из Петербурга в Поликарпово, а сам обещал приехать вслед за ней, как только разрешатся все дела, связанные с отставкой и назначением ему пенсии за выслугу лет. И вот этот день наступил: Александр Феофилактович впервые в жизни переступил порог усадьбы, которой суждено было стать его последним прибежищем.

Князья Поликарповы владели обширным участком земли, включавшим в себя сосновый бор, два лиственных леса, заливные луга для выгула скота, поля, засеваемые пшеницей и рожью, пасеку, село Поликарпово и несколько мелких деревень, не превышавших десятка дворов; в самом сердце поместья из родника вытекала крошечная речушка Поликарповка, питавшая Оку, где сельская ребятня летом, стоя по щиколотку в ледяной воде, руками ловила карликовую плотву и густеру; с севера поликарповские земли ограничивались руслом Оки, на которой им разрешалось ставить рыболовные сети. Вдохнув кристально чистый, а не пропитанный столичным смрадом или военной гарью воздух, Смернов набил трубку и устроился в кресле-качалке под развесистым дубом около крыльца, приговаривая: «*Mon plaisir*». Через неделю он уже был в курсе всех проблем имения и сосредоточил в своих руках власть над ним, за год сделав убыточное хозяйство одним из преуспевающих в губернии. Первенца, родившегося в мае, назвали, чтобы сделать окончательный примирительный шаг с княгиней, в честь князя — Михаилом; через год в семье Смерновых появилась девочка, ее назвали в честь отца — Александрой. Довольная таким поворотом событий княгиня доживала свои последние полтора десятилетия в семье старшей дочери, сильно сдружившись с зятем, на этот раз показавшегося ей просто чудесным человеком и настоящим дворянином, и внуками, в которых она души не чаяла, часто играла с ними и критиковала гувернантку Жильберту за чересчур строгое обращение с ними. Жильберта была выписана из Парижа по протекции маркизы де Вре, которая лично выбирала гувернантку для своих племянников, и, наконец, остановила свой выбор на Жильберте, которая, несмотря на свою молодость и угловатость, отличалась изысканными

манерами, ее язык был абсолютно чист от провинциальных наречий, а сама она происходила из знатного, хотя и полностью разорившегося, дворянского рода.

Александр Теофилакович, помимо ведения хозяйства, был увлечен разведением лошадей; он специально выписал из Англии пару чистокровных арабских скакунов серо-пегой масти, которые позже произвели на свет потомство, перестроил старую конюшню и самолично день ото дня чистил и выгуливал этих красавцев, тем самым, доставляя себе подлинное удовольствие. Дети росли, а Смернов наяву осуществлял свою грезу: сначала читал им на ночь «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», потом учил плавать, ездить верхом, любить и уважать свою отчизну за то, что она дала им возможность жить без малейшего страха за свое будущее; время шло, младшие Смерновы выросли, и было решено отправить Михаила в петербургский кадетский корпус, где когда-то учился его отец, а спустя еще год, когда княгиня была уже при смерти, родители, по ее просьбе — Поликарпова не хотела расстраивать внуков своей приближающейся кончиной — отослали Александру в сопровождении располневшей и почти полностью утратившей свой шарм за полтора десятка лет, проведенных в далекой России, Жильберты в ее родной Париж. Радости гувернантки не было предела, и она несколько дней подряд всё повторяла при встрече с господами свои благодарности.

Александра редко покидала границы Поликарпово, и поездка в Париж, первое большое путешествие в ее жизни, — не будем считать за приключения некоторые кратковременные выезды в Москву, — вызвала в ее сердце двойные переживания: с одной стороны она, так много слышавшая об этом великолепном городе от Жильберты, всегда мечтала там побывать, познакомиться с теткой, которую она знала лишь по письмам, посмотреть на немыслимое чудовище работы Эйфеля; а с другой — она не желала расставаться с родителями, с бабушкой, которых Александра сильно любила и ни за что бы на свете не покинула их по своей воле. Однако всё же родительское слово — закон, и Смернова убедила себя, что отбывая в Париж ненадолго, она скоро вернется к своим близким.

Утром Александр Теофилакович и Елизавета Михайловна отправились вместе с дочерью и гувернанткой на экипаже в Москву, чтобы посадить их на поезд до Парижа; расставание получилось сухим и безрадостным, всё было слишком деревянно, и каждого из семьи Смерновых томило тяжелое чувство какого-то неведомого рока, нависшего над этой благополучной семьей, надвигавшегося неизбежного несчастья, только лишь Жильберта вся светилась от радости: ей не терпелось поскорее распрощаться с господами, устроиться в мягком кресле купе, почувствовать приятные толчки отходящего вагона и раскрыть томик любимого Мюссе — что ни говорите, а возвращение на родину всегда дико приятно.

Париж встретил Александру Александровну первым теплым весенним солнцем, сильно контрастировавшим с еще морозной погодой, оставленной дома; обилием людей на перроне, отличающихся такой окраской кожи, какую она никогда прежде не видела, веселым вокзальным гоголем носильщиков-арабов, быстро снующих между приезжающими, провожающими и отъезжающими; одухотворенная же возвращением Жильберта не растерялась в сумасшедшем ритме родного города, так непохожего на размеренный образ сельской жизни, и спустя несколько минут, вместивших в себя массу ярких впечатлений для молодой девушки, они уже неслись в открытом экипаже сквозь великолепие достопримечательностей мировой столицы красоты к дому тетки Екатерины, маркизы де Вре. Ее муж находился с посольством в Испании, поэтому Екатерина де Вре с огромным удовольствием восприняла весть о возможном приезде племянницы, тем более, что жизнь не дала ей самой испытать радости материнства, и сейчас она скучала одна в большом доме на улице Лафайет, конечно, довольно часто Екатерина посещала Гранд Опера, находившийся по соседству, выходила в свет, была знакома с самыми знатными княгинями, герцогинями и принцессами, хотя бы потому, что одним из предков ее мужа был герцог Орлеанский, но всегда чувствовала враждебное отношение к себе со стороны снобистски настроенной французской аристократии, к тому же племянница, как думалось мар-

клизе, обязательно должна была внести свежую струю в ее однообразную жизнь. Зная, что Александра с детства увлекалась живописью, она обставила одну из комнат, приготовленных к ее приезду, как мастерскую художника с карандашами, мольбертами, холстами, фарфоровыми плошками, палитрами и всевозможными баночками, наполненными разными красками, украсила стены дома работами обожаемых ею импрессионистов; Смернова была просто очарована теткой, атмосферой ее дома, но особенно ей по душе пришлись работы художников: она часами всматривалась в эстетику «улицы Монье», «церкви в Ветее» и портрет самой Екатерины де Вре, выполненный художником Анриэлем, чьи полотна преобладали в этой коллекции. На картине была изображена маркиза в белом свободном закрытом платье с голубым развевавшимся шарфом, обнимавшим ее шею, в соломенной шляпке с сиреневой лентой; в правой руке у нее был раскрытый салатовый зонт, которым она прикрывалась от солнца и порыва ветра, над головой ее было небо в облаках, а под ногами — засохшая трава и жухлая листва.

Маркиза де Вре, заметив восторг, с которым племянница рассматривает портрет, предложила познакомить ее с автором, являющимся по ее словам «верным художником нашего дома»; «Я уговорю Анриэля отужинать сегодня с нами, — сказала за завтраком через несколько дней после приезда Александры Екатерина, указывая на голубой незапечатанный конверт на журнальном столике, — Ты не возражаешь?» Александра не могла и в мечтах представить себе, что сможет свести знакомство с настоящим художником, который зарабатывает на жизнь своими картинами, и довольно успешно; вот только она ожидала увидеть грузного замкнутого мужчину, который видит вокруг себя исключительно материал для отображения на холсте, погруженный в свой неразгаданный обывателями мир и отторгающий любую попытку проникновения в него извне; на самом же деле, в комнату ворвался пышущий энергией по сути юноша, еще не достигший зрелого возраста, сразу горячо поприветствовавший маркизу и галантно приложившийся к ручке представленной ему девушки.

Весь вечер он шутил, поблескивая модным моноклем, расположив цилиндр на полу подле своего кресла, и смеялся, стараясь избегать разговоров о живописи. Наконец, маркиза попросила его: «Жан, мадмуазель Сандрин просто обожает живопись, она влюбилась в ваши работы с первого взгляда, пожалуйста, расскажите о тех, что будут представлены на Всемирной выставке». «Маркиза, Вы же знаете, что за ужином я не веду разговоры о живописи, ну хорошо, только ради Вас; две мои работы отобраны комиссией и будут находиться в отделе «Столетия французской живописи», а именно: «Ночная Сена» и «Неизвестная обнаженная, обращенная спиной»; когда Анриэль произнес название последней картины, маркиза невольно смутилась.

Жан Анриэль принадлежал к самому молодому поколению импрессионистов, утверждал, что занимался у Тулуз-Лотрека и Сезанна, подавал большие надежды, но живопись для него всегда была не целью, а средством добиться положения в обществе, уважения, и самое главное, расположения дам; его отец был приказчиком у одного знатного буржуа, тем не менее, добившийся, чтобы его сын получил хорошее художественное образование и смог реализоваться в жизни посредством своих работ. Анриэль был худым, прилизанным, почти женственным молодым человеком с продолговатыми чертами лица, длинными тонкими слегка подрагивающими пальцами и высоким голосом, казалось, что он никогда не вынимал из левого глаза монокль, по его представлению, придающий хоть немного солидности, одет он был с иголочки, интересовался модой — благо, денежных затруднений у него в ближайшее время не предвиделось, и всё же у Александры осталось чувство легкого разочарования после знакомства с ним — не таким ей виделся автор картин, приоткрывающих дверь в иной мир восприятия действительности.

В самый разгар ужина маркизе пришла в голову блестящая идея: «Жан, что Вы скажете, если я предложу Вам заниматься с мадмуазель Сандрин, у нее неплохие задатки, и, возможно, со временем она станет знаменитым художником, почти как Вы», — маркиза де Вре одарила Анриэля милой улыбкой. «Ну, что Вы, маркиза, я вовсе не знаменитый; Моне — вот настоя-

щая величина, Ван Гог – просто гений, Гоген – волшебник, Мане – великий мастер полутонов, Дега – чародей света, Ренуар – виртуоз круглых форм, Сезанн – непризнанный кудесник кисти, Тулуз-Лотрек – художник от Бога, а я просто подающий надежды, – пропищал Анриэль и притворно наклонил голову, как бы подтверждая, – Мне до них еще расти и расти». Несмотря на разочарование несоответствия реального художника, тому образу, который рисовало воображение Смерновой, перспектива позаниматься с живописцем, чьи картины всего через несколько недель будут выставлены на суд корифеев и простых парижан, очень ее прельстила, и когда Анриэль, строя из себя сильно занятого человека, всё же согласился, пусть и поставил условие: время и место занятий он будет назначать сам, она сразу же без раздумья согласилась.

Через несколько дней Анриэль прислал письмо, где приглашал «мадмуазель Сандрин» к шести вечера в сад Тюильри; погрузив мольберт в корзину велосипеда, Александра отправилась в назначенное место; Анриэль, чуть опаздывая, подлетел на своем железном коне к ждавшей у ограды сада девушке, и они отправились к берегу Сены, где художник намеревался изобразить солнечный закат. Прислонив велосипеды к ограде, они устроили мольберты по течению реки. «Повторяйте мои движения, мадемуазель, – взяв кисть в тонкие пальцы, призвал Анриэль, – «Вот так... Так», – приговаривал Жан, нанося на холст длинные мазки, символизирующие розово-серый небосвод; Александра старалась повторить их, но Анриэль положил кисть и подойдя к ней, упрекнул: «Что Вы, Сандрин! Вы неверно держите кисть, расслабьте руку», – он приобнял ее за плечо, приложил свою руку к ее руке, взял за запястье – девушка от сильного волнения задрожала – и, казалось, нечаянно поцеловал в шею.

Первый раз отдавшись художнику на перилах набережной Тюильри, Александра Александровна продолжала с ним встречаться под предлогом занятий, каждый раз надевая бордовый берет, который Анриэль подарил ей. Их свидания происходили то на Монмартре, то на Сите, то на Аустерлицком мосту, то в новостройке – вокзале Орсэ, то на Авеню Фош и затем в Булонском лесу. Смернова обрела воздушное спокойствие, ее картины источали уверенность сложившегося импрессиониста, как-то так неожиданно мадмуазель Сандрин превзошла своей работой заурядность Анриэля, но тем не менее, Жан утверждал маркизе, что девушке рано отказываться от занятий, у нее еще не раскрылся огромный потенциал, заложенный природой, который сумел выйти наружу исключительно благодаря таланту Анриэля-педагога.

Когда в середине апреля открылась Всемирная выставка, Жан повел маркизу и ее племянницу в Пти-Пале, где показал свои картины, и всё время выпрашивал у проходивших посетителей, как нравятся им его работы; один же невысокий старичок, облаченный в котелок и темный костюм с бабочкой, принял весьма недовольный вид, поглаживая свою седую эспаньолку и неприязненно поглядывая на молодого художника. «Это Ваши работы?» – спросил он, сближаясь с Жаном. Анриэль подтвердил. «А позвольте поинтересоваться, у кого Вы занимались живописью?» «Я брал уроки у непризнанного гения Сезанна», – ответил живописец. «Спасибо за комплимент, но что-то я не припоминаю Вас среди моих учеников, да и живописью эту мазню назвать, не знаю, согласятся ли со мной признанные мастера, очень трудно», – подытожил старичок и вышел из отдела, опираясь на золоченую трость. Оказалось, что в том же зале, рядом с картинами Анриэля соседствовали три полотна Сезанна, который сильно удивился как самому факту, что его работы представлены на этой выставке, так и странной сопредельности с бездарными работами импрессиониста новой волны. Эта ситуация немного расстроила Анриэля, но он предпочел не высказывать очевидного недовольства и держался весело и самоуверенно; когда маркиза с племянницей собрались домой, художник, провожая их, обратил внимание Александры на высохшего еще не старого дремлющего от усталости человека, которого везли на инвалидном кресле в сторону выхода: «Посмотрите, Сандрин, это – Тулуз-Лотрек». Смерновой стало жалко великого умирающего художника, и она попросила сопро-

вождающего Тулуз-Лотрека передать ему, когда тот проснется, великолепную по красоте чайную розу, преподнесенную ей Жаном.

Встречи и свидания между Сандрин и Жаном происходили регулярно всю весну и лето, что не могло не вызвать подозрения у маркизы. Сначала она оправдывала холодность к себе со стороны молодого живописца присутствием племянницы, которая ненароком могла сообщить о близости Екатерины и Анриэля маркизу де Вре, но потом, она решила, что Жан нашел себе кого-то еще. Встречи на улицах Парижа и в Булонском лесу уже не могли быть полноценными из-за надвигающихся холодов, и молодые любовники были принуждены искать себе уютное гнездышко. Анриэль снял квартиру на улице Рима, что не так далеко от улицы Лафайет, где обитала маркиза и племянница, и вот однажды, под рождество Екатерина выследила Александру и Жана, притаилась под окном и застала их на самом месте сладострастного преступления; в исступлении, она вернулась домой и начала срывать со стен и разрывать в клочья картины молодого импрессиониста, выместив на них свою злобу, тяжело дыша, она без сил опустилась в кресло, машинально разбирая на столике пришедшую почту; увидев конверт с двуглавым орлом, адресованный ей, Екатерина де Вре вскрыла его, и, пробежав глазами текст и скомкав с досады письмо, безудержно залилась слезами.

На следующий же день маркиза де Вре и Александра Смернова вынужденно оставили Париж и вернулись на родину.

IV

Карпов, хотя и был зажиточным крестьянином, жил довольно скромно; семья его была небольшая: сам Игнат Михайлович и его дочь, Лизка – высокая, широкоплечая с длинной, делающей ее похожей некоторым образом на лебедя, белой шеей, выдающимися скулами и продолговатым лицом, огромными руками и неуклюжей походкой, постриженная под мальчика и улыбающаяся громадными зубами, казавшаяся всё время какой-то скособоченной из-за несоответствия друг другу частей тела. Староста же был невысокого роста, лысый, с постоянно бегающими поросычьиими глазками и одышкой; когда больше полутора десятилетия тому назад в округе разразилась страшная эпидемия неведомой болезни – у человека внезапно поднималась температура затруднялось дыхание, его постоянно тошнило, а по истечении нескольких дней многие отдавали богу душу, – он постарался увезти свою семью и беременную жену из Поликарпово, но было уже поздно: кто-то из старших детей оказался под воздействием недуга и заразил других, которые затем один за другим скончались.

Пострадали из-за внезапно обрушившейся напасти и владельцы усадьбы: от загадочной болезни, что случилась сразу за смертью старой княгини, отправились в мир иной и Александр Феофилактович, со своей супругой, Елизаветой Михайловной, ставшие одними из первых жертв разыгравшейся трагедии.

Ближе к зиме, когда эпидемия почти сошла на нет, принесла столько несчастья и горя, сколько в здешних местах не испытывали, пожалуй, с отечественной войны, в семье Карповых родилась дочь, которую, не раздумывая, постановили назвать в честь усопшей хозяйки; недолго оказался век и у жены старосты: как-то зимой, стирая белье, она вместе с подругой, женой кузнеца, угодила в прорубь, но спасти ее не удалось – так у Игната Михайловича остался на белом свете единственный родной человек – Лизка.

В тот самый день и час, когда Михаил Александрович узнал о гибели родителей, он поспешил оставить корпус и возвратиться домой, но власти, перекрывшие область, где распространилось заболевание, для въезда, не разрешали ему осуществить сей замысел до самой зимы, и Смернов принужден был остаться в Москве, несмотря на естественное желание самому проводить родных в последний путь. В бывшей столице Михаил Александрович познакомился с князем Антоном Дмитриевичем Юрьевым, который владел соседним с Поликарпово помещением, называемым Юрьево, он также не мог выехать домой, где его ждали жена и дочери, благополучно избежавшие странного недуга. Князь Юрьев охотно приютил Смернова в съемных комнатах на Ордынке, и только в начале декабря было получено разрешение на свободное возвращение в усадьбу.

Мрачная картина предстала глазам младшего Смернова: пустой дом, разоренные крестьянские дворы, свежие могилы на кладбище – всё это казалось таким неправдоподобным, что Михаил бродил со словно застланными туманом глазами по усадьбе, стараясь осознать произошедшую трагедию, – когда он испытал чувство утраты в Петербурге, то в голове его до конца не утвердилось сознание о невозможности будущих встреч и разговоров с родителями; и хотя он давно не видел их, только теперь, будучи в пустом доме, Смернов ощутил всю щемящую грусть одиночества существования в мире, не ведающим справедливости.

К новому году в Поликарпово вернулись Александра и Екатерина Михайловна, постепенно восстанавливались крестьянские дома, пусть количество жителей было еще очень далеко от того, что населяло бывшее владение князей Поликарповых до свалившейся напасти; маркиза временно на правах близкого родственника приняла на себя обязанности по управлению имением, которые должны были окончиться в мае, одновременно с восемнадцатилетием Михаила. Кроме того, неискушенным в хозяйственных делах часто помогал приезжавший с женой и дочерьми сосед Смерновых – князь Юрьев, который теперь относился к Михаилу

Александровичу почти как к сыну, и в перспективе желал породниться с ним и объединить земли. Смернов отвечал на благосклонность Антона Дмитриевича взаимностью и любил проводить с ним свободное время, катаясь на арабских скакунах, всё еще обитавших в отцовской конюшне, и даже подарив доброму соседу одного из лучших скакунов. Постепенно, князь заменил маркизу де Вре в управлении имением, чему ни сколько не мешал, а даже потворствовал Смернов, и не найдя себе применения в деревне, Екатерина поспешила вернуться в Париж к мужу, который уже воротился из Испании и не мог никак дожидаться возвращения супруги, которую он всё-таки страстно любил, несмотря на частые разлуки. Так Михаил Александрович Смернов стал единственным и самостоятельным владельцем имения Поликарпово.

Ранний солнечный лучик раздражал тонкую кожу век так, что Маланья открыла глаза – только-только светало; еще находясь под пьянящим воздействием сна, она медленно поднялась и стала расчесывать длинную русую косу, поглядывая на умывающуюся в углу кошку Машку. Волосы путались, упрямилась действию настойчивой гребенки, никак не хотели послушно ложиться на плечи; укротив их, наконец, Маланья сняла рубашку и принялась тонкими ручками умывать свое крошечное, еще не полностью развитое тельце прохладной струящейся влагой, чтобы скорее ощутить прилив сил нового дня. Покончив с обязательными утренними процедурами, дочь кузнеца принесла воды из колодца и начала готовить завтрак – скоро должен был пробудиться отец.

После ухода Евсея в кузницу, Маланья, сверкая миниатюрными алыми пяточками, поспешила к подруге и ровеснице Лизке, чтобы потом совместно пойти собирать с хозяйской земли улиток, но подходя к дому, она увидела Михаила Александровича, шагающего в том же направлении; девка спряталась за плетень и принялась наблюдать за статной фигурой барина. Смернов постучал и открыл незапертую дверь; войдя в горницу, он произнес:

– Доброго здоровья, Игнат Михайлович! Завтракаешь? Ну, так приятного аппетита тебе!

Карпов как сидел с краюхой булки в зубах, так, встрепенувшись и часто моргая, вскочил, приглашая гостя разделить с ним трапезу из хлеба и свежего молока.

– Спасибо, Игнат Михайлович, но не обессудь – откажусь: вот буду с женой завтракать, а она мне: что же это, ты, разлюбезный, ничего не ешь? Может, заболел чем? Не объяснять же ей, что меня с утра пораньше староста потчевал.

– Да, Господь с тобой, – ответил Карпов, дожевывая кусок булки, Михаил Александрович, ишь как сказал: потчевал; ну, ты сядь, выпей хотя бы парного молочка, что с тебя убудет? Эй, Лизка, налей барину кружку.

В горницу, спотыкаясь, вбежала неуклюжая Лизка в обнимку с кринкой молока, и, обнажив огромные челюсти, налила полную кружку дымящейся белой жидкости.

– Ладно, старый, уговорил ты меня, выпью горяченького, а то на дворе дуже зябко, – сдался Смернов, захватывая огромной ладонью горячую кружку.

– Вот, то-то же, Михаил Александрович, – успокоился староста и, устремив свою кружку к его, произнес, – Доброго здоровья и долгих лет тебе жизни!

– Благодарствую, Игнат Михайлович, – кивнул Смернов, утирая усы, – На ять молочко у тебя, на ять, поцелуй от меня дочку – ладная хозяйка, а еще, – он прищурился левым глазом, – корову, чтоб поболее такого молока давала.

Староста покатился со смеху, а потом перешел на глухой кашель:

– Ох, и остёр же ты на язык, барин, ох, остёр, тебе палец в уста не клади, вот, уморил меня совсем!

В это время Маланья пробралась на задний двор и вошла к Лизке.

– Чего, это, слушай, Лизка, кажется, барин пришел? – как бы мимоходом поинтересовалась та, что была меньше ростом.

– Да, Маланья, барин с отцом за столом сидят, о жизни толкуют, – безразлично забасила та, что была повыше, – ты знаешь, что он сегодня родился – старый мне накануне все уши об этом прожужжал: сходи, дескать, нарви сирени, подари ему, когда вздумаем собираться.

– Нет, я ничего такого не знаю, слушай, а может, вместе его поздравим – всё сподручней, чем в одиночку; где твоя сирень?

– Что ж мне с того, пожалуйста, вместе, так вместе, только ты прежде на двор сбегай – там эти цветы в ведре-то и стоят.

Откашлявшись, староста крикнул: «Лизка, мы уже, того, уходим», и сразу же в горнице возникло огромное лиловое облако на четырех ногах, которое с криками бросилось к Михаилу Александровичу, так, что он сперва даже опешил, не зная как поступить в подобной ситуации. Приняв подарок, он поочередно поцеловал подносивших в щеки, и, удивляясь такому озорству девушек и проявленных ими чувств, вышел на воздух, где его уже дожидался Карпов. «Ну, что, старый, куда поначалу отправимся?» – спросил, освобождаясь от сирени, Смернов. Оживленно беседуя, они направились в сторону посевов.

Маланья же, раскрасневшаяся от волнения, была просто на седьмом небе от счастья: Михаил Александрович поцеловал ее, ее, которая о таком блаженстве и мечтать никогда не могла, от всего этого у девушки перехватило дыхание, а на глазах заблестели капельки слез, что сильно удивило Лизку: «Маланья, чего это с тобой? Уж не занедужила, ли?» Дочь кузнеца, прикусив губы, отрицательно покачала головой и ответила, что с ней всё в порядке, просто она растрогалась от такой внезапной нежности Михаила Александровича.

V

Ближе к девяти, зная ежеутренний распорядок Смернова, слуги на террасе стали накрывать на стол; рацион ничем не отличался от обычного: кофе, молоко, масло, сыр, тосты на английский манер для хозяйки, томатный и цитрусовый сок для девочек, варенье, джем, круассаны для Сандрин, чай и каша для барина. Первой, по уже сложившейся традиции, к завтраку спустилась Александра Александровна; к тридцати двум годам она располнела, носила шиньон и закрытые платья и беспрестанно обмахивалась веером, чем неуловимо напоминала свою бабушку. Она села за стол, придвинула поближе блюдо с круассанами и стала медленно мазать один за другим клубничным джемом.

Сандрин Смернова испытывала глубокие чувства к Анриэлю и не верила тетке, которая утверждала, что их отношения для молодого художника – просто забава, что он никогда не женится на ней и уж, вероятно, прекратил даже думать об их свиданиях, найдя себе какую-нибудь куртизанку или богатую вдовушку. Она писала ему, но Жан не отвечал; она порывалась ехать в Париж, но брат ее не отпустил; она пыталась наложить на себя руки, но в последний момент не смогла лишиться себя жизни; тогда уверившись, что никогда более не встретится с Анриэлем и не будет счастлива, Александра от отчаянья решила выйти замуж за сватавшегося к ней богатого старого помещика Мирзоева, происходившего из татар; к всеобщему облегчению, их брак был недолг: вскоре Мирзоев скончался от сердечного приступа, но Сандрин унаследовала от него большое имение и изобильные земли, к тому же родила двух прекрасных дочерей-близняшек – Надежду, которая была старше сестры на несколько минут, и Веру.

Управлять имением в одиночку, да к тому же с двумя детьми, было не с руки, впрочем, и довольно скучно для еще молодой женщины, поэтому она сделала управляющим одного из бывших слуг, положила ему сорок тысяч годового жалования, а сама вернулась в Поликарпово к пока холостому, но уже тщательно обхаживаемому Юрьевыми, брату. Смернов был рад – одинокая жизнь тяготила его, он даже стал задумываться о женитьбе в столь раннем возрасте, но возвращение сестры с племянницами отбросило эти мысли на определенный срок; время шло, Надежда и Вера росли, Михаил Александрович, как когда-то его отец ездил с ними верхом, учил плавать, собирать грибы, пока они были крохотными, читал перед сном Пушкина; и вот уже близнецы стали превращаться в маленьких барышень со своими ужимками и кокетством, а богатой вдовой увлекся новый соседский помещик, переехавший в эти края как раз перед самой войной, бывший военный, майор Вацлав Смекалицкий.

Александр Александровне были приятны такое внимание и обхождение после стольких лет отсутствия благородного мужчины в ее жизни, но сама она не спешила ответить ему взаимностью, полагая, что более всего в ней Смекалицкого привлекало унаследованное от покойного мужа богатство, а не кристальная душа и не талант художника.

Она, по-прежнему, рисовала, отдавая искусству всю нерастратченную энергию любви, старалась найти какие-то новые формы и решения, но поиски, как правило, заканчивались твердым убеждением, что ее стихия – импрессионизм, в других же направлениях проглядывала явная вторичность и отсутствие оригинальности мышления; вот и сегодня она приготовила брату подарок, написанный в манере «Сеятеля» Ван Гога: посреди желто-зеленой равнины твердо вышагивает босиком мощный торс Михаила Александровича в холщовой рубашке и соломенной шляпе, разбрасывая широкой ладонью вокруг себя семена.

Когда Сандрин доедала третий круассан, на террасу взойшел Смернов, поприветствовав сестру, он устроился за столом:

– *Alors, tu a bien dormi?* – поинтересовался он у Александры, которой уже не терпелось преподнести ему подарок, поэтому она быстро допивала кофе.

– Tu sais parfaitement que j'ai insomnie. Cette nuit je ne pouvais pas m'endormir longtemps, me retournait, comptais à haute voix, – она взмахнула рукой к потолку.

– Et moi, tu peux imaginer, je dormais comme un bébé; c'est parce que je travaille comme un cheval chaque journée et après je deviens tellement fatigué que je tombe dans un rêve jusqu'à ce que un chien se met à aboyer et me réveille.

– Tien! J'ai quelque chose pour toi, – Сандрин радостно помахала розовым конвертом, – c'est une lettre de notre tante Catherine.

Смернов, надевая на глаз монокль: «Bon, donne la moi s'il te plaît!».

– Non. C'est pas possible. Elle a voulu que je te l'ai lu moi-même.

– Très bien. Allez-y, madame!

Александра напустила на себя торжественный вид, поднесла к глазам лорнет и произнесла:

– Cher Michel, J'ai beaucoup réfléchi comment commencer cette lettre, mais je ne pouvais rien trouver. Évidemment je veux t'embrasser mais tu es trop loin de France; néanmoins je te dis simplement «Bon anniversaire!» Maintenant t'as l'âge de Jesus-Christ. Et je te souhaite de bonne santé et aussi d'être un appui vrai pour ta femme malheureuse, pour ta soeur et nièces.

Ce soir il y a beaucoup de phares dans les rues parisiennes; ses lumières se reflètent et se croisent dans la voûte du ciel, en créant quelque chose ressemblant au théâtre des ombres; tu vois, c'est magnifique et j'adore ça tellement que chaque nuit je ne peux pas m'arracher de fenêtre. Le style «militaire» est très populaire: c'est pas possible se procurer ces bijoux des douilles tirant et des boucles d'armée! Si on est seule chance d'acheter une chose à la mode, toute de suite on créera l'agitation surtout si on vend les toilettes avec un détail noir (c'est pour occasion du deuil) et avec un petit chapeau de feutre blanc; et encore on dit que plus la guerre se continue plus les jupes deviennent plus courtes (c'est parce que le tissu est devenu très cher); tous les musées et tous les théâtres sont fermés mais d'autre partie de la vie n'est pas changé, c'est à dire, je vis à peu près d'une manière précédente.

Je t'embrasse. La Marquise De Vraid.

Смернова отняла лорнет: «C'est tout. Qu'est-ce que tu en penses?»

– Je trouve que tante Catherine comme les autres femmes françaises peut croire que la guerre est une chose à la mode mais c'est très bizarre parce que la situation en France est vraiment sérieuse et L'Allemagne est capable de prendre Verdun et ensuite Paris...

– Ça suffit, – Александра встала из-за стола и подошла к повернутой тыльной стороной картине, – Michel, bon anniversaire et prends ce cadeau modeste, – и она развернула полотно к Смернову.

– Merci beaucoup, Sandrine. Je suis très touché, – сказал Михаил, каждый год получающий от сестры по одной картине, – Embrassons-nous à signe de dévouement éternel!

В этот самый момент распахнулись двери, и на террасе появилась Татьяна Антоновна. Она была гораздо меньше и тоньше Александры Александровны, ее темные волосы спокойно спадали на плечи, окаймляя белоснежную кожу лица и открытый лоб; грустные сосредоточенные карие глаза выдавали все страдания и несправедливости жизни, которые ей приходилось терпеть; чуть засохшие и припухшие губы расплывались в вымученной улыбке, обнажая сверкающие верхние зубы; прямой правильной формы нос, выдающиеся скулы и продолговатый овал лица придавали аристократичный вид бывшей княжне Юрьевой, а теперь супруге Михаила Александровича.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая? – поинтересовался, глядя на нее Смернов, освобождаясь из сестринских объятий.

– Всё замечательно, милый. Я великолепно себя чувствую, особенно сегодня, в твой день рождения. Позволь мне, поздравить тебя с этим праздником и пожелать здоровья и счастья.

– Спасибо, *ma chérie*. Давай, я помогу тебе, – с этими словами он подошел к ней и поцеловал в лоб.

– Не надо, я сама могу справиться, меня это нисколько не затруднит.

Татьяна Антоновна была младшей дочерью князя Юрьева; когда после смерти родителей Смернов сблизился с этим семейством, она была еще совсем девочка, и ничто не выдавало в ней будущую красоту; песок времени медленно струился – и вот из гадкого утенка вырисовывался прекрасный лебедь с аристократической внешностью. После свадьбы и отъезда Сандрин Михаил Александрович, оставшись в усадьбе в полном одиночестве, подумывал о женитьбе на старшей дочери князя от первого брака – почти его ровеснице Ольге, но потом одумался, решив, что он еще не готов связывать себя узами священного брака и лишиться еженедельных увеселительных выездов в город с новыми друзьями. Одним из таких товарищей Смернова был Николай Афанасьевич Недосмежкин, почти что сверстник. Его родители, купцы, разбогатевшие на импорте кофе и державшие десять кофейных в Москве, купили земли, граничившие с Поликарпово на юге; сам Николай быстро сошелся с одиноким соседом и стал его брат в город, познакомил со своими приятелями, казалось, он знал все значные места первой столицы; теперь ничто не мешало Смернову, проводившего свои дни в добровольном заточении в имении, развеяться и наполнить жизнь новыми ощущениями распутной жизни, хотя умом Михаил понимал, что, во-первых, за такие поступки не одобрил бы его отец, призывая держать себя в строгости и воздержании: «Вы слышали, что сказано древним: „не прелюбодействуй“. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем», а во-вторых, блуд не мог продолжаться сколь угодно долго, предопределив своим завершением счастливый брак на какой-нибудь скромной избраннице дворянского происхождения.

Какое-то время помедлив по рекомендации отца, Ольга всё же вышла замуж и уехала в Малороссию, где служил ее свежеиспеченный супруг; поэтому все надежды князя на соединение с наследником Поликарповых были связаны теперь с младшей дочерью, которая не очень стремилась выходить замуж из-за избыточной природной скромности, но всегда с раннего детства с крайней нежностью и благоговением относилась к Михаилу Александровичу, позже в силу физического развития, она вообразила, что просто без ума от Смернова, и не хотела отвечать на любые другие ухаживания. Татьяна так подолгу мечтала о семейной жизни со своим любимым, о прогулках верхом в сосновом бору под лучами летнего солнца, когда приятно похрустывают шишки под копытами рысаков, о катаниях на лодке по Оке во время теплого грибного дождя, наконец, о сильных сжимающих объятьях, похожего на русского медведя Михаила, что когда это стало явью, была не просто, а непомерно счастлива.

Смернов не противился свадьбе, хотя не испытывал глубоких чувств по отношению к Татьяне, принимая ее как должное; их отношения складывались в не самый лучший период жизни молодого барина: он по-настоящему полюбил одну девушку, но в силу ряда причин и условностей не смог быть с ней вместе; тогда Михаил пребывал в состоянии глубочайшей депрессии, готовый связать свою судьбу с кем угодно, лишь бы не переживать снова, не резать свою душу разбившимися вдребезги осколками чувств. Юрьева же, в то самое время, когда сошлась со Смерновым и его кругом общения и стала частым гостем в Поликарпово, вдруг неожиданно испытала на себе неожиданную страсть неразделенного обожания: некий аноним адресовал ей любовные послания, состоящие из дежурных фраз признания и уверений в вечной преданности, а после увенчивал их стихами.

Поначалу Татьяне казалось, что так хотел проверить ее чувства сам Смернов, но потом, поняв характер жениха, она сделала вывод, что на такого рода игру он совершенно не способен, тем более что Михаил никогда в своей жизни не выдумывал стихов. Тогда княжна рассказала ему об анониме и стала читать присланные стихи. Сперва барин отнесся к этому настороженно, предполагая, что уделяет мало внимания невесте, и та, чтобы вызвать в нем ревность, выдумала

таинственного кавалера, влюбленного в нее, потом ему чудилось, будто так над ним насмехается кто-то из приятелей, зная о постигших его неприятностях и о вынужденном выборе себе невесты, некоторое время спустя Смернов просто привык к выходкам анонима, не проявлявшего себя иначе, кроме как в этих посланиях, и уже с нетерпением ждал нового письма, чтобы получить удовольствие от самой поэзии.

– Вот, послушайте Михаил, что я получила нынче утром, – доставала она письмо, гуляя под руку с женихом, державшим белый кружевной зонтик, по аллеям усадьбы:

О, Господи, спаси меня и сохрани.
И помоги не заменить тебя кумиром —
Той, что украла ключ от связи сердца с миром,
Считать заставила разлуки горькой дни...
Приют печальных глаз меня очаровал,
Земное ль ты или небесное творенье;
Тобой живу, тобой дышу до иступленья,
Пусть шанс совместной жизни нашей очень мал.
Тебя готов я увезти за сто земель,
Чтобы никто не смог любовь мою похерить,
И продолжаю, продолжаю в чудо верить,
Вдыхая в ноздри неуверенности хмель.
Любовь открыто выражаю, как любовь!
Влечение чувствую я только, как влечение!
Не думаю, что ты – простое увлечение:
Мне образ твой волнует в жилах кровь!
Давай, не мешкая, соединим мечты,
И пронесем их жизнь насквозь рука об руку,
Не отвлекаясь на печаль, тоску и скуку,
Устроим пиршество любви и красоты!

– Очень недурственная поэзия, просто великолепно, а эти слова: «Той, что украла ключ от связи сердца с миром», выдают в авторе тонкую увлекающуюся натуру. Charmant.

Так и проходили их свидания под аккомпанемент симфонии шестистопного ямба, уже ставшей неотъемлемой частью и даже неким символом надвигавшегося венчания. Все условия были оговорены, и счастливый отец невесты открывал одну бутылку шампанского за другой, празднуя долгожданное событие – соединение двух знатных семей. Он был на седьмом небе от счастья, чего нельзя сказать о молодых: разумеется, Татьяна всегда любила Смернова, но была ли это любовь женщины к мужчине, или она с детства создавала себе идола, коему поклонялась и беспрекословно подчинялась, может, она боготворила его, не хотела видеть заурядную личность, скрывающуюся за могучим станом; он же женился по необходимости, делая одолжение старому другу – князю Юрьеву, не испытывая абсолютно никаких чувств, выполняя традиционные повинности жениха с безразличием, хотя и нежностью к Татьяне; от княжны не могло укрыться пусть и доброжелательное, но не слишком настойчивое ухаживание будущего супруга, поэтому она нет-нет, да задумывалась, правильно ли поступает, связывая свое будущее с этим флегматичным великаном, но потом решила смириться с ним как с данностью и приготовиться к вступлению в брак без зазрения совести, тем более, что именно о нем, как о будущем муже, она всегда грезил.

Накануне свадьбы Михаил Александрович со своей будущей супругой отправились совершать конную прогулку по так любимому Татьяной сосновому бору; как всегда, княжна припасла для благоверного новое послание анонима; как обычно, для променада приготовили

лучших арабских скакунов: Буцефала – для барина, Пегаса – для будущей хозяйки; и они шагом тронулись к лесу, но, решив в этот день кое-что переменить, молодые поменялись лошадьми, так что Татьяна оказалась верхом на Буцефале, а Пегас нес по бору Мишеля.

– Михаил, у меня для Вас есть еще одно письмо, – сказала княжна, уверенно восседая в седле и доставая из шифоньера свернутый листок.

Смернов собрал в кулак рассредоточенное внимание и грустным, по-детски безразличным взглядом, одобрительно посмотрел на Юрьеву, произнеся:

– *Allez-y, mademoiselle.*

– Тогда слушайте:

Блеск пурпура угас, слеза упала с глаз,
Получен мной приказ: любить тебя сейчас.
С тобой мне хорошо, не надо лишних слов,
Средь плоскостей углов шептаться нагишом.
Смеркался небосвод, стал розовым каркас,
Заманивая нас в безумный хоровод.
Ответь же: любишь ли, как жизнь, как этот клен,
Ты видишь: я влюблен – мне поцелуй пришли.
Запомню этот миг для будущих времен,
Что, будучи влюблен, я страсти не постиг.
Всё в жизни – только ложь, а мы – всего лишь тлен,
В разлуке горький плен раздумий – острый нож.
И что ж: опять один, и сны, и всхлип, и дрожь?
По сердцу режет нож, а я вновь нелюдим...

– По-моему, это уже слишком, – вскипел Смернов, – раньше он придерживался хотя бы видимых приличий, а теперь открыто предлагает Вам совершить гнусность; разорвите эту пошлость и никогда, слышите никогда, не принимайте более его писем. Это просто неслыханная дерзость; да если бы я знал, кто сочинил сей пасквиль, немедля вызвал бы его к барьеру и расчитался за все те нервы, что он испортил Вам, Вашему батюшке и мне, будь он трижды проклят, – красный как рак, Михаил пришпорил лошадь и помчался вглубь чащи. Княжна решила последовать за ним, хлестнула мощного Буцефала, да так, что тот взвился на дыбы, и она не удержалась и упала наземь, ударившись спиной о невесть откуда взявшийся в этом месте валун.

VI

Несмотря на упрямство супруги, Михаил Александрович подкатил кресло жены к столу, и тихонько придвинул ей варенье, кофе и тосты.

После произошедшего несчастья, обрекшего Татьяну Антоновну навечно быть прикованной к инвалидному креслу, Смернов не отменил свадьбу, а сам настоял, чтобы церемония прошла так, как и была запланирована, в той же торжественной обстановке; убитый горем Антон Дмитриевич по достоинству оценил поступок соседа, добровольно принявшего на себя все обязательства по уходу за его дочерью; более того, просившего на коленях прощения у будущего тестя за его оплошность: именно себя Михаил считал главным виновником трагедии и решил, что сие наказание послано свыше за грехи его и искупить их он сможет, только выпив эту чашу боли до дна, то есть всю жизнь проведя в облегчении существования невинной калек.

Александра Александровна еще накануне составила список приглашенных гостей, и теперь, когда взрослые обитатели усадьбы были в сборе, она поспешила огласить его. Кроме них самих на праздновании, разумеется, планировалось присутствие князя Юрьева, Смекалицкого, Недосмежкина и двух его спутников.

– А что это, собственно, за люди, – поинтересовалась Татьяна Антоновна, не жаловавшая незнакомцев.

– Точно мне неизвестно, – ответил за пришедшую в легкое замешательство сестру Смернов, – но я не сомневаюсь, что какая-то дама гостит сейчас в его доме; кого он еще приведет – попросту не имею никакого представления, хотя, зная его добрый десяток лет, могу предположить, что он готовит какой-то сюрприз; в конце концов, припоминаешь, Сандрин, – переключил он взгляд на Александру, – год назад этот подлец привел бродячую актерскую труппу, которая учинила здесь настоящий разгром. Слава Всевышнему, что на сей раз он попросил у нас только три места за столом.

– Дай-то бог, чтобы всё обошлось, – осенила себя крестным знаменiem Татьяна, – В прошлом году мне стало дурно, только увидев ораву худых и оборванных бродяг, хорошо, что я была избавлена от их представления.

– А, по-моему, это авангард, – вступилась за актеров Александра, – оборваны же они были, я надеюсь, лишь потому, что играли «Комедию о Лиситрате», да и потом, это же бродячая труппа, вот откуда их худоба – каждый день в движении...

– Ну, будет, будет, – примиряюще перебил ее Смернов, – я согласен с Таней: будем надеяться, что в нынешнем году такого срама не повторится, и Николай приведет с собой, если он так на этом настаивал, вполне приличных людей.

Нежданно за окном послышался шум, и вскоре к крыльцу подъехали дрожки, откуда ловко спрыгнул еще совсем молодой белокурый посыльный; Михаил Александрович вышел ему навстречу, а тот в два прыжка преодолел разделявшее их пространство и вручил бледно-зеленый конверт, незаметно отдав при этом честь, и так же стремительно унесся обратно. Барин распечатал письмо и, с несколько расстроенным видом, вернулся на террасу, где на него уставились две пары любопытных глаз. Он поднял брови, тяжело вздохнул и сказал, обращаясь к супруге:

– Это от твоего батюшки. С прискорбием он сообщает, что у него разыгрался бронхит, который не позволит сегодня приехать в наш дом, однако князь меня сердечно поздравляет и желает здоровья и счастья, а также собрать в этом году небывалый урожай зерна.

Несколько удрученная Татьяна выразила беспокойство по поводу болезни отца, и согласилась, что в таком положении ему будет лучше никуда сегодня не выезжать.

В ту же самую минуту двери основной части дома распахнулись, и на террасу выпорхнули две прелестные птички: одна звалась Синичкой, другая именовалась Воробышком; они хором поприветствовали взрослых: «Bonjour, maman. Bonjour, oncle. Bonjour, tante» и поочередно всех поцеловали; после этого Михаилу Александровичу был торжественно вручен свиток, и он оказался подвергнут нежному девичью лобызанию. Подарок, развернутый Смерновым, предстал в сиянии растекшейся по листу акварели, видимо, символизировавшей узоры и расписные рамки поэтического поздравления:

Никогда не унывай,
Никогда не ной —
С днем рождения тебя,
Дядя, дорогой!
Если весел, то пляши,
Громко песни пой —
Дважды с днем рождения,
Дядя, дорогой!
Не боишься ничего:
Ни грозу, ни зной —
Трижды с днем рождения,
Дядя, дорогой!

Барин процитировал поздравление девочек, которые сейчас скромно улыбались в уголке, а после одобрительного веселья старших с удовольствием набросились на соки и горячие тосты.

Хоть Надежда и Вера являли собой пример близнецов, старались всегда держаться вместе, но они были совершенно не похожи друг на друга. Надежда, прозванная Синичкой, была выше и гораздо тоньше сестры, голубоглазая, со светлыми кудрями, предпочитала лилейные наряды и распущенные волосы, была более развита, чем сестра и в свои четырнадцать уже походила на маленькую женщину с ангельским лицом, так напоминавшую никогда не лицезренную ею бабушку – Елизавету Михайловну. Вера была внешне почти полной противоположностью: темноволосая и черноглазая, с татарскими скулами – наследство от батюшки – приземистая, широкоплечая, с еще совсем не начавшей развиваться грудью, ежедневно заплетала косу, носила, в основном, серые и горчичные наряды, была чересчур уж скромной и трусливой в отношениях со всеми кроме Надин, за что была наречена Воробышком.

Жизнь их в усадьбе, как когда-то самой Сандрин, протекала весело и беспечно, пусть маман делала вид, что сурово воспитывает их, строго грозя пальцем, выписывала из Москвы, Петербурга и Парижа разных наставников и воспитателей, которые, впрочем, долго не задерживались в Поликарпово, не в пример Жильберте, проведенной в помещичьем доме добрых полтора десятка лет, да еще свои коррективы вносила война, не позволявшая жить на широкую ногу, вот почему Синичка и Воробышек вот уже год были предоставлены сами себе, изредка атаковавшие то Сандрин, то Мишелем в попытках продолжить обучение птичек литературе и искусству. Любимой забавой отпрысков всегда была верховая езда, пусть им еще не разрешалось самостоятельно скакать по полям и лесам, а лишь держаться в седле ведомой под уздцы лошади, всё равно, Синичка взрывалась заливым смехом, гордо мня себя, как минимум, королевой Англии, свысока метая молнии на плетущегося впереди конюха, и, подбигывая оборки широкой юбки, показывала наблюдавшему за ней Смернову завернутую в ажурное белье тонкую ножку; Воробышек же, насупившись и тяжело дыша от волнения и радости, старался держаться серьезно и уверенно и ничем не показать, что это самая, что ни на есть потеха,

а, даже совсем наоборот, она обстоятельно и внимательно учится правильно сидеть верхом, ведь со временем это может пригодиться, и она не без удовольствия демонстрирует полученный навык. Вообще, по своей сути и в отличие от сестры, Синичка очень любила красоваться, а так как в доме был всего один полноценный мужчина – дворню за таковых Надин не принимала, – да, в придачу еще и красавец-великан, то показать себя она могла только ему, примешивая детскую непосредственность и женское жеманство: старалась утром поцеловать его как можно нежнее, во время прогулок брала его под руку, кокетничала и заливисто хохотала над его шутками, и притворно краснела от смущения, а когда поблизости никого из родных не было, представляла себе его жаркие объятия и тяжело вздыхала от казавшейся близости. Она часто видела дядю во сне, где он признавался ей в любви и умолял ехать с ним за три моря, и она, сгорая от нетерпения, соглашалась, и вся в счастливых сладких слезах и сердцем, готовым вырваться из груди, просыпалась так, что пробуждавшаяся сестра удивлялась и расспрашивала ее о привидевшемся, но белокурый ангел грубил сестре, приговаривая: «Тебе, дурочка, этого не понять».

Вот и сегодня ночью Надин видела себя и Михаила Александровича, растянувшихся посреди луга, обнимающихся и задумчиво глядящих на проплывающие облака.

– Скажи, Синичка, – обратился он к ней, – на что похоже это длинное продолговатое облако?

– На еловую шишку, – ответила она, приглядевшись.

– Да, теперь мне тоже так кажется, – слегка смутившись, но взяв себя в руки, произнес он, вздыхая, – какая же ты еще маленькая и несмышленная, – продолжил Мишель, сильнее к ней прижимаясь, – я тебя очень сильно люблю, но ты же понимаешь, что я не могу бросить Татьяну сейчас, надо подождать, перетерпеть это, а пока, – он поцеловал ее в шею, – пусть все думают, что Синичка – хорошая девочка.

Надин хотела ответить, но в тот самый момент проснулась и увидела сладко сопящего на соседней постели Воробышка. Она откинула одеяло, тихо на цыпочках подкралась к сестре и громко прокричала в самое ухо: «Пожар!» Вера вздрогнула, но тут же, привыкшая к подобным выходкам, отвесила подушкой увесистый подзатыльник, а Синичка, как всегда, взорвавшись своим заливистым смехом, набросилась на сестру и стала ее душить, Вера была гораздо сильнее и без труда справилась с разбушевавшейся Надин, после они принялись одеваться, чтобы скорее выбежать на террасу: Синичке не терпелось поздравить дядю с днем рождения – сегодня она могла позволить себе немного больше нежности по отношению к нему, чем в другие, не вызывая никакого подозрения.

Надежда устроилась за завтраком так, чтобы, не отрываясь, глядеть на задумчиво опустившегося в кресло-качалку Смернова и беспрестанно ему улыбалась, а Михаил Александрович, принявший это за просьбу совершить конную прогулку, произнес:

– Синичка, я должен сначала просмотреть утреннюю почту, которую доставят с минуты на минуту, а потом с удовольствием с вами прокачусь, только до леса и обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.